

ДВЕ ЛЖЕДОГМЫ ЭМПИРИЗМА

А.А. АРГАМАКОВА

1. Критика догм

Статья У. Куайна «Две догмы эмпиризма» (1951) занимает особое место в ряду критических работ, направленных против логического эмпиризма. Если судить по названию и отдельным высказываниям, то создается впечатление, что работа написана с прицелом на более широкую традицию эмпирической философии, берущую свое начало в классическом британском эмпиризме, однако аргументы, сформулированные Куайном, были восприняты в качестве критики именно логического эмпиризма. Успех куайновской критики таков, что «Две догмы» стали одним из символов состоявшегося ниспровержения целого философского направления мысли. Однако из всего множества логических эмпиристов в работе Куайна прямые ссылки делаются только на Р. Карнапа, поэтому именно его философию волей-неволей воспринимаешь в качестве главной мишени. Если дела обстоят именно так, то есть основания сомневаться в том, что Куайну удастся попасть в эту цель.

Первая догма, о которой говорит Куайн, касается различения предложений на аналитические и синтетические. Проблему можно представить следующим образом. Имеются два типа аналитических предложений: (а) логические истины; (b) предложения, которые могут быть преобразованы в логические истины путем замены соответствующих терминов на синонимичное выражение. Известные примеры Куайна для данных типов предложений:

- (а) Ни один неженатый человек не женат;
- (b) Ни один холостяк не женат.

Предложение (b) преобразуется в (а) при замене выражения «холостяк» на синонимичное выражение «неженатый человек». Существование понятия «аналитическое предложение» оправдано в связи с предложениями типа (b), иначе можно было бы ограничиться представлением о логической истине. Но именно с предложениями типа (b) возникают трудности, которые, по мнению Куайна, являются достаточным основанием для отказа от идеи аналитических предложений и дихотомии аналитическое/синтетическое. Основные аргументы Куайна таковы:

(1) Попытка установить синонимию в естественных языках путем обращения к словарным определениям не приводит к успеху, поскольку такие дефиниции опираются на существующее употребление, а значит, по своей сути эмпиричны (зависят «от предшествующих отношений синонимии»¹) и неопределенны (в терминологии Р. Карнапа это значит, что невозможно четко определить интенционал употребляемых выражений).

(2) Объяснение синонимии через верификационную теорию значения сталкивается с проблемой невозможности верификации отдельных предложений, а значит, данный ход заводит в тупик.

(3) Попытка определить синонимию через процедуру взаимозаменяемости *salva veritate* безрезультатна: в экстенциональном языке взаимозаменяемость не гарантирует когнитивную синонимию выражений «холостяк» и «неженатый человек», а значит, не дает второй тип аналитических предложений; в интенциональном языке с взаимозаменяемостью возникают известные трудности, и, кроме того, даже если средства языка позволяют выразить необходимую связь между интенционалами выражений, так что мы можем установить желанное отношение синонимичности между ними, то данная связь все же сама нуждается в оправдании, т.е. в заранее определенном понятии аналитичности.

(4) В искусственных языках, как полагал Карнап, аналитичность можно определить через обращение к семантическим правилам. Семантическое правило подразумевает апелляцию к истинности, но Куайну опять же непонятно, на каком основании из класса истинных высказываний выделяется особый класс аналитических высказываний. Введение семантических правил подразумевает то, что аналитичность уже была определена.

В связи с такими рассуждениями Куайн не видит возможности выделения аналитических предложений в какой-либо особый тип. С куайновской критикой Карнап был знаком. По вопросу о «догмах» между двумя философами возникла активная дискуссия, происходившая как в личной переписке², так и в серии публикаций³. Можно сказать, что Карнап самостоятельно проделал основную работу по выдвиганию контрдоводов к рассуждениям Куайна, поэтому данное исследование состоит из реконструкции точки зрения Карнапа, дополненной некоторыми дальнейшими соображениями.

II. Аналитичность

Синонимия и словарные определения

Аналитические предложения мыслятся как предложения истинные «в силу значения и независимо от фактов»⁴. Если для их определения нужна синонимия, а основой синонимии оказывается предшествующее употребление, то в этом можно усмотреть некую эмпиричность. Для Карнапа данное обстоятельство не составляет проблемы: «предложение является аналитическим, если оно истинно в силу интенционалов входящих в него выражений»⁵, причем генезис значения неважен. Важно определить интенционалы к моменту рассмотрения вопроса об обоснованности предложения: «Чтобы приписать истинностное значение такому (аналитическому. — А. А.) предложению, необходимо, во-первых, знать значение каждой части и таким образом

значение всего предложения; другими словами, нужно понимать это предложение. Чтобы приписать истинностное значение предложению, такому как “Некоторые собаки черные”, дополнительно нужно знать некоторые факты действительного мира. В случае таких предложений, как “Все черные собаки являются черными”, не нужно знать факты; достаточно понимать их, чтобы определить их истинность. Такие предложения называются “логическими истинами” или “аналитическими”»⁶.

Но основные сомнения Куайна связаны с тем, возможно ли в принципе четко определять интенционалы выражений и устанавливать между ними отношение эквивалентности. В работе «Значение и синонимия в естественных языках» (1955) Карнап пытается развеять эти сомнения. Он обосновывает возможность бихевиористской, операциональной процедуры для определения синонимии в естественных языках, состоящей из операциональных правил проверки гипотез об интенционалах предикатов естественного языка на основе ответов тех, кто говорит на этом языке⁷. Карнап замечает, что Куайн нисколько не возражает против процедур определения экстенционала, несмотря на однотипные проблемы с неопределенностью значений и погрешимостью проверки гипотез об экстенционалах. Почему тогда такая процедура принципиально невозможна в случае интенционалов?

Карнап формулирует интенционалистский и экстенционалистский тезисы в прагматике. Согласно первому, гипотезы об интенционале выражения поддаются проверке путем рассмотрения языкового поведения. Согласно второму, принятие такой гипотезы об интенционале является делом выбора, а не проверки, поэтому «здесь нет вопроса о правильности или ошибочности»⁸. Очевидно, какой позиции придерживается сам Карнап, а какая характерна для Куайна. Чтобы продемонстрировать несостоятельность экстенционалистского тезиса, Карнап приводит ряд примеров⁹.

Допустим, мы имеем следующие словарные определения в качестве кандидатов на включение в немецко-русский словарь¹⁰:

(1) *Pferd* – лошадь,

(2) *Pferd* – лошадь или единорог.

Если точка зрения экстенционалиста верна, то не существует эмпирического критерия для выбора между первым и вторым словарными определениями, поскольку для «единорога» не существует экстенционала, а значит (1) и (2) коэкстенциональны. Однако лингвист, исследующий язык, вполне может провести эмпирическую проверку и выбрать между гипотезами (1) и (2). В определении интенционала лингвист должен принимать во внимание все логически возможные случаи, включая каузально невозможные (т.е. такие, которые противоречат законам природы). Поэтому он может спросить носителя языка, относит ли он *Pferd* к существу, похожему на лошадь, но с рогом

посреди лба. Или лингвист может показать картинку с единорогом и спросить то же самое. В зависимости от ответа носителя языка мы получаем свидетельства в пользу (1) или (2) гипотезы¹¹.

Далее Карнап приводит в качестве примера еще один набор определений.

(1) *Einhorn* – единорог; *Kobold* – домовый,

(2) *Einhorn* – домовый; *Kobold* – единорог.

Экстенсионалы этих понятий образуют пустой класс. Но если интенционал определить невозможно, то между (1) и (2) нет практического различия. И все же это различие фиксируется лингвистом и любым носителем языка. Карнап считает, что нельзя отрицать его наличие, не впадая в противоречие.

Определение как интенционала, так и экстенционала сталкивается с однотипной проблемой. Существует то, что Карнап называет интенциональной и экстенциональной неопределенностью: экстенциональная неопределенность связана с тем, что носитель языка пока не принял решение, подпадает ли данный объект под высказанное им выражение языка; интенциональная неопределенность связана с тем, что носитель языка может сомневаться, включены ли некоторые характеристики объекта в данный интенционал или нет. Наличие такой «промежуточной зоны» в реакциях говорящего, в его словоупотреблении, является естественным положением вещей, которое не мешает проводить исследование в тех областях, которые ему поддаются. Поэтому, заключает Карнап, «хотя я здесь лишь грубо очертил эмпирическую процедуру установления интенционалов, я полагаю, что уже отсюда становится ясно, что можно, развивая этот набросок, написать руководство для установления интенционалов, или, точнее, для проверки гипотез об интенционалах. Правила такого руководства не очень сильно отличались бы от обычных правил и процедур в психологии, лингвистике и антропологии. Следовательно, эти правила могли бы пониматься и выполняться любым ученым (если только он не заражен философскими предубеждениями)»¹². Карнап говорит о книге Арне Несса «Интерпретация и точность: вклад в теорию коммуникации»¹³ как о примере составления подобного руководства.

Синонимия и верификация

Определение аналитичности и синонимии через обращение к идее верификации предполагает, согласно интерпретации Куайна, что «синонимия высказываний есть сходство метода эмпирического подтверждения или неподтверждения»¹⁴. Соответственно, если предположения допускают сходный способ проверки и имеют одинаковые условия истинности, то можно исходя из этого говорить о синонимии (в данном случае – синонимии высказываний, но отсюда есть возможность перейти к рассмотрению синонимии других лингвисти-

ческих форм). Детали этой истории Куайном умалчиваются. Судя по всему, Куайн здесь говорит о теории истинности значения, разработанной Рейхенбахом¹⁵, но не Карнапом (хотя в общих чертах Карнап приветствует ее¹⁶).

В соответствии принципом сходства значений, разработанным Рейхенбахом, два предложения имеют одно и то же значение, если любое возможное наблюдение делает их либо одновременно истинными, либо одновременно ложными¹⁷. Куайн замечает, что такой подход не оправдывает себя, поскольку предполагает верификацию отдельных предложений языка, тогда как в действительности проверке подвергается вся система предложений науки. Но даже если предложения рассматриваются не по отдельности, а в рамках системы, все равно приписывание им истинностных значений не отменяется. Пересматривается, скажем так, представление о процедуре данного приписывания. Соответственно, принцип Рейхенбаха мог бы выдерживать критику, если бы говорилось о синонимии двух предложений в ситуации, когда оба оказываются либо истинными, либо ложными при любых возможных наблюдениях и перетасовках внутри системы предложений науки.

Карнап полагал, что принятие холизма делает неразличимыми аналитические и эмпирические высказывания. Перед трибуналом опыта оказывается вся система предложений, и мы не можем идентифицировать, какие именно предложения в этой системе подтверждаются опытом, а какие другим путем. Но данный тезис спорен. Холизм, очевидно, меняет наше представление о процедуре эмпирического обоснования, но необязательно ведет к выводу о неразличимости аналитических и синтетических предложений. Даже если в свете некоторого эмпирического свидетельства мы можем принимать разные решения относительно того, какое множество предложений данное свидетельство подтверждает (или опровергает) в системе научных предложений, то по-прежнему можно предполагать наличие в этой системе такого множества предложений, которое не подвергается ревизии под воздействием наблюдений. К этой теме мы еще вернемся в связи со второй догмой.

Взаимозаменяемость salva veritate

Карнап вполне мог бы согласиться с тем, что взаимозаменяемость как критерий когнитивной синонимии не срабатывает в экстенциональных контекстах. Он также был хорошо знаком с различными трудностями, порождаемыми интенциональными контекстами, и разрабатывал логические методы работы с ними¹⁸. По его словам, «понятие синонимичности у Куайна соответствует, по крайней мере приближенно, нашему понятию *L*-эквивалентности»¹⁹, которая имеет место между двумя выражениями, если их эквиваленция является *L*-истинной, т.е. истинной во всех описаниях

состояния. Соответственно, Карнап предлагает вести речь о *L*-взаимозаменяемости для данного случая. Он также замечает, что *L*-эквивалентность подразумевает взаимозаменяемость по интенционалам. Эта идея, по замыслу Карнапа, должна служить экспликатом для понятия синонимичности. Значит, чтобы обеспечить *L*-истинность высказывания (*b*) «Ни один холостяк не женат», нужно установить отношение *L*-эквивалентности между выражениями «холостяк» и «неженатый человек». В искусственном языке — но не в естественном языке, для которого действуют другие процедуры — это осуществляется путем введения дополнительных семантических правил для дескриптивных знаков, а именно — постулатов значения. Об этом следует сказать отдельно и в связи со следующим аргументом Куайна, касающимся семантических правил.

Семантические правила

Если до этого речь шла преимущественно об определении отношения синонимии в естественных языках, то сейчас мы дошли до семантических правил, и внимание будет уделено языкам искусственным. По поводу рассуждений Куайна о семантических правилах Карнап писал: «Первый из критических аргументов Куайна состоит в замечании, что постулаты значения определимы (recognizable) только посредством заголовка “постулаты значения” и что смысл этого заголовка неясен... аналогично он утверждает... что семантические правила — это только то, что находится под ярлыком “Семантические правила”, который сам по себе лишен смысла. Я был озадачен таким замечанием, поскольку ни Куайн, ни кто-либо до него не критиковал тот очевидный факт, что, например, допустимые формы предложений формализованного языка *L* определяются благодаря заголовку “Формы предложений в *L*” перед списком форм выражений или что аксиомы логического исчисления определяются под заголовком “Аксиомы”. Почему тот же самый факт должен восприниматься как повод для отказа от постулатов значения?»²⁰

Критика Куайна, согласно интерпретации Карнапа, порождена вопросом оправдания семантических понятий посредством установления коррелятов в виде четких и недвусмысленных прагматических понятий. Аргументы Куайна «касаются не столько какой-либо отдельной предложенной экспликации, сколько вопроса о самом существовании предполагаемых экспликандов... он полагает, что без этой прагматической основы семантические интенциональные понятия, даже если они формально правильны, являются произвольными и бесцельными»²¹. Поскольку Карнап показал²², какой должна быть процедура определения синонимии в естественных языках (что существенно для определения аналитичности), можно утверждать, что соответствующее прагматическое понятие существует и введение его

семантического коррелята оправдано, хотя Карнап уверен, что беспокойство о прагматических коррелятах излишне и семантические понятия могут не требовать таких подпорок, оправдывая свое существование плодотворной применимостью в языковых системах.

Для определения второго типа аналитических предложений в искусственных языках Карнап вводит специальные семантические правила – постулаты значения. Как это работает? Допустим, имеются следующие предложения:

- (1) Джек или женат, или не женат.
- (2) Если Джек холостяк, то он не женат.

Очевидно, что аналитическое предложение первого типа можно получить на основе правил истинности для дизъюнкции, тогда как предложение второго типа нельзя получить только на основе правил истинности. Для получения предложения второго типа необходимо ввести дополнительные правила помимо правил истинности, а именно: постулаты значения для дескриптивных знаков (выражений «холостяк» и «не женатый человек»). Постулат значения для приведенного примера (2) выглядел бы следующим образом: $(x) (Bx) \supset \sim Mx$. Он утверждает несовместимость свойств B («холостяк») и M («быть женатым») для любого x : «Если логические отношения (например, логическая импликация или несовместимость) имеют место между подразумеваемыми значениями исходных предикатов системы, то экспликация аналитичности требует, чтобы были сформулированы постулаты для всех таких отношений»²³. Откуда берутся эти логические отношения между значениями? Карнап пишет, что «это вопрос не знания, а решения»²⁴.

В поздних работах Карнап дает следующее определение аналитическим предложениям²⁵: предложение S является A -истинным в $L =_{Dr} S$ выполняется во всех допустимых моделях. Здесь A -истинный – это технический термин для «аналитичности» (логической истины в широком смысле), а допустимые модели – это такие модели, в которых выполняются постулаты значения.

Как видно, аналитические предложения релятивизированы относительно различных логических систем и детерминируются принятыми в этих системах семантическими правилами. Нужно сказать, что кроме аналитических предложений, L -детерминированными предложениями у Карнапа считаются L -ложные предложения, т.е. противоречия. Таким образом, идея знания, не зависящего от фактов, раскрывается через понятие L -детерминированных предложений.

III. Верификация

«Другая догма – это редукционизм»²⁶.

Куайн утверждает, что невозможно верифицировать предложение в отрыве от системы, в которую оно включено, т.е. в отрыве от других,

связанных с ним предложений. По Куайну такой системой оказывается язык всей науки.

Холизм, на котором настаивал Куайн, не был новацией и не противоречил ходу мыслей Карнапа: «...невозможно проводить проверку отдельной гипотезы. В случае единичного предложения такого рода не существует в принципе соответствующих *L*-следствий в форме протокольных предложений; следовательно, для дедукции предложений, имеющих форму протокольных предложений оставшиеся гипотезы должны использоваться. Значит, проверяются, по сути, не отдельные гипотезы, а вся система физики как система гипотез (Дюем, Пуанкаре)»²⁷. Куайновская разработка идеи холизма порождает ряд вопросов. Если мы не можем подтвердить (опровергнуть) отдельное предложение, то мы не можем, соответственно, приписать ему истинное значение. Куайн предлагает верифицировать не предложение, а систему предложений, но какую систему мы должны взять: будет ли это система предложений, образующих теорию, или целую дисциплину, или всю науку, а возможно всю теоретическую часть языка? В данном случае нет никаких оснований предпочесть одно другому. Кроме того, неясно в каком смысле целая система предложений оказывается перед трибуналом чувственного опыта. Должны ли мы в случае одних наблюдений считать всю науку правильной, а в случае других — неправильной. Очевидно, что это абсурдное предположение. Значит, идею «коллективной» верификации предложений следует понимать в том смысле, что в случае того или иного чувственного опыта мы, исходя из различных соображений, сами принимаем решение о том, какое или какие предложения нашей системы опровергает или подтверждает данный опыт. Также у нас есть возможность изменить решение по прошествии времени: решить, что установленный факт подтверждает или опровергает не это, а другое множество предложений. Тогда оказывается, что холизм не мешает вести речь о приписывании значений предложениям и об их подтверждении или опровержении опытом. Холизм скорее меняет наше представление о том, как об этом следует вести речь.

Еще одна идея Куайна заключается в том, что «глупо искать границу между синтетическими высказываниями, истинность которых случайно обусловлена обстоятельствами, зависящими от опыта, и аналитическими высказываниями, которые истинны при любых обстоятельствах»²⁸. То есть любого рода предложения могут быть пересмотрены в свете нового опыта и не обладают иммунитетом, что, по мнению Куайна, бьет по паре аналитическое/синтетическое. Но Карнап вполне допускает возможность ревизии как эмпирических, так и *L*-детерминированных предложений, а также *P*-правил (физических принципов, введенных в логическую систему): «Если предложение, которое является *L*-следствием определенных *P*-примитивных пред-

ложений, противоречит протокольному предложению, тогда некоторые изменения должны быть сделаны в системе. Например, *P*-правила (*P*-rules) могут быть изменены так, чтобы данные примитивные предложения не были больше общезначимыми; или протокольное предложение может быть рассмотрено как не общезначимое; или опять же *L*-правила, которые используются в дедукции, могут быть изменены. Не существует принятых правил для изменений, которые должны быть сделаны»²⁹. Возможность ревизии у Карнапа не отменяет различный характер правил и предложений в языковой системе.

Как кажется, более серьезную проблему являла собой не процедура верификации, но использование данной идеи для проведения разграничительных линий между осмысленными и бессмысленными выражениями языка. В рамках познавательной деятельности Карнап выдвигает требование спецификации наблюдаемых следствий, которые можно «рассматривать в качестве подтверждающего или опровергающего свидетельства в отношении тезиса, если эти следствия имеют место»³⁰. Однако при таком подходе для огромного числа «сомнительных» предложений двери остаются открытыми. Кроме того остается вопрос, что делать со смутными идеями, которые, однако, в дальнейшем могут конкретизироваться или сыграть положительную, эвристическую роль в открытии новых явлений. Нужно ли от них непременно отказываться? Когда Г. Мендель исследовал наследственность и ввел идею наследственного задатка для того, что впоследствии стали называть геном, его представления на этот счет были далеки от желаемой ясности: идея задатка вводилась для объяснения взаимосвязи фенотипических признаков организмов предков и потомков. Чем именно являются гены, каково вещество наследственности (белки или ДНК) и т.п. — все это стало предметом дальнейших исследований и конкретизации.

Процедура оценки выражений языка как осмысленных/бессмысленных действует репрессивно. И если можно «забраковать» грамматически некорректные конструкции в языке, а также перевести разговор о некоторых предложениях из материального в формальный модус речи, то по поводу прочих предложений остается слишком много вопросов. Очевидно, что различные выражения языка имеют различную степень определенности/неопределенности и эмпирической обоснованности/необоснованности. Но где проходит граница допустимости для того и для другого? Необходимость провести границу возникает именно в связи с научным способом познания действительности, поскольку прочие не связаны такими требованиями строгости и точности. Возьмем в качестве примера два следующих высказывания:

(1) Бог — это высший разум, создающий живые существа и направляющий их развитие.

(2) Эволюционное развитие организмов обусловлено стремлением живых существ к самосовершенствованию.

(1) и (2) высказывания в чем-то подобны: и в том и в другом предложении фигурируют неопределенные понятия такие как «Бог», «высший разум», «живые существа», «стремление», «самосовершенствование». Подобного рода предложения обычно рассматривают в качестве спекулятивных, метафизических. Однако (2) является тезисом эволюционной теории Ламарка. Уместно сослаться на сроки давности, однако, в XX в. теория Ламарка получает второе рождение в связи с обнаружением феномена адаптивных мутаций (по-другому: направленные мутации или индуцированные отбором мутации). Суть феномена заключается в том, что организм целенаправленно изменяет свою генетическую информацию и становится лучше приспособленным к окружающей среде. Современную теорию можно представить в виде такого тезиса:

(3) Эволюция живых организмов направляется адаптивным мутагенезом.

Любопытно, что открытое явление напоминает идею Ламарка о лежащем в основе эволюции стремлении организмов к совершенствованию. Таким образом, высказывание (3) можно рассмотреть в качестве конкретизации высказывания (2). Однако ученые отмечают³¹, что механизмы, лежащие в основе адаптивных мутаций, остаются невыясненными, а значит, понятие «адаптивный мутагенез» – в какой-то степени неопределенное и требует дальнейших уточнений.

Тогда в чем различие между высказываниями (1), (2), (3), если в каждом из них фигурируют неопределенные понятия? Первое видимое отличие состоит в том, что высказывание (1) отчасти предполагает «теологическую» область исследований, для которой в данный момент трудно представить какие-либо процедуры эмпирической проверки, тогда как в случае (2) и (3) речь идет только о биологических процессах, которые уже, так или иначе, исследуются подобными методами. Более того, можно сказать, что в языке биологии допускается меньшее количество (но какое именно количество?) таких высказываний, чем в языке теологии. Тем не менее, подобные критерии уже слабо работают для различения характера (2) и (3) высказываний. Проблема связана с тем, следует ли исключать из науки высказывания подобные (2), которые могут оказывать стимулирующее влияние на дальнейшие исследования. Для таких случаев критерий осмысленности выглядит репрессивным, а его ослабление приоткрывает метафизический ящик Пандоры.

О языке науки Карнап пишет: «Степень точности в нем в общем значительно выше (т.е. степень неопределенности ниже), чем в повседневном языке, и эта степень непрерывно возрастает. Важно отметить, что это возрастание имеет место не только для экстенциональной, но также и для интенциональной точности; это значит, что сокращаются не только экстенциональные промежуточные зоны

(т.е. промежуточные зоны действительных событий), но также и промежуточные интенциональные зоны (т.е. промежуточные зоны возможных событий)»³². Но какой минимум определенности/неопределенности должен быть принят в качестве требования для понятий и положений в языке науки — этот вопрос остается открытым.

Таким образом, уязвимость формулировок критерия осмысленности выражений языка (с апелляцией к верификационной стратегии) кажется более болезненной темой для логического эмпиризма, чем нюансы, связанные с полной или частичной верификацией и верификацией отдельных утверждений или системы утверждений. Правда, в «Двух догмах» Куайна упоминается работа К. Гемпеля «Проблемы и изменения в эмпирицистском критерии значения», в которой как раз обсуждаются «заключения» верификационного подхода к вопросу об осмысленности. Но куайновские рассуждения о верификации, как он сам замечает, касались других сторон этого вопроса.

По сути Куайна интересовала только одна «догма» — различие аналитических и синтетических предложений: «...если считается значимым говорить о подтверждении или неподтверждении отдельного высказывания чувственным опытом, то вполне осмысленно говорить также о предельном случае высказывания, которое подтверждается *ipso facto* чем угодно; и такое высказывание является аналитическим»³³. Куайн рассматривает проблему верификации только для того, чтобы показать, что нет каких-то особых предложений, которые мы называем эмпирическими и верифицируем. Все предложения равны в этом смысле, все предстают перед трибуналом чувственного опыта и все служат одной цели — упорядочивать наш опыт в когерентную систему. Собственно, альтернативная эпистемологическая программа, которую выдвигает Куайн, сама по себе является дополнительным контролем на эпистемологию Карнапа и логический эмпиризм в целом.

IV. Вопросов больше, чем ответов

Куайн признается, что предложения языка испытывают двойную зависимость: и от лингвистической компоненты, и от эмпирической. Представление об аналитичности, по его мнению, возникает вместе с осознанием наличия лингвистической компоненты, но «эта двойственность не может быть осмысленно прослежена до высказываний науки, взятых по отдельности»³⁴. Хотя из рассуждений Куайна следует, что и не по отдельности она не может быть прослежена, она в принципе не может быть прослежена, сама задача не может быть решена. Карнап вводил идею аналитических предложений, осуществляя попытку прояснить зависимость предложений от языка и сложившихся в нем соглашений. Куайн так объясняет мотивы подобных стремлений и то, какие альтернативные способы рассуждений возможны:

«...аналитичность нужна, чтобы объяснить осмысленность логических и математических истин, которые очевидно не имеют эмпирического содержания. Но когда мы избавляемся от второй догмы и представляем логику и математику переплетенными с физикой и другими науками для совместной выводимости наблюдаемых следствий, вопрос о приписывании эмпирического содержания одним предложениям ценою отказа в этом другим более не возникает»³⁵.

Но как при таком подходе объяснить различия между чистой и прикладной математикой? Оно является мнимым? Положения чистой математики не зависят напрямую от опыта. Если сумма углов реального треугольника, начерченного на бумаге, оказывается меньше 180° , то данный эмпирический факт не отменяет Евклидову геометрию. Даже геометрия Лобачевского не отменяет Евклидову геометрию. Карнап всегда имел в виду это и поэтому идея аналитичности была столь важна: предложения чистой математики являются истинными «во всех возможных случаях и, следовательно, не имеют какого-либо фактуального содержания»³⁶. Необходимый характер положений логики и математики Куайн связывает с тем, что они составляют ядро системы предложений науки, и, в соответствии с консервативным принципом ревизии, пересматриваются в последнюю очередь. Именно это обстоятельство создает впечатление необходимого характера положений математики. Однако при таком подходе остается непонятным, в силу чего именно математика и логика формируют ядро системы научных предложений.

С другой стороны, интересен тезис Куайна, что понятия науки ничем не отличаются от богов Гомера, и то, что мы предпочитаем одно другому, связано только лишь с большей эффективностью одних понятий по сравнению с другими в упорядочивании нашего опыта и в прогнозировании будущих событий. Данный тезис вполне близок прагматизму и инструментализму. Но если рассматривать понятия как инструменты, то что еще можно сказать об их природе? По-видимому лишь то, что они конструируются в языке, а это — приглашение к различным формам конвенционализма, которые дружелюбны идее лингвистических истин. Так, Куайн не отрицает, что некоторые понятия вводятся посредством законодательных определений. Однако разве такого рода понятия не способствуют прояснению концепта «истин, независимых от фактов»? Карнап предложил целую систему подобных понятий, цель которых — прояснить данную идею: *P*-постулаты, *L*-истины, *A*-предложения, *L*-детерминированные предложения, семантические правила, постулаты значения. Аргументы «Двух догм» Куайна не позволяют однозначно сделать вывод о том, что экспликации Карнапа неудовлетворительны.

Куайн предлагает смотреть на язык науки инструменталистски. По сути, он говорит, что понятия любой науки являются языковыми

конструкциями или даже фикциями. В этом смысле нет разницы между математикой и физикой: понятия и составленные из них предложения обеих наук нужны для того, чтобы осмыслить и упорядочить сенсорные данные. Если признать, что ревизии может быть подвержен любой тип предложений, из которых состоит теория, то для особого статуса логики и математики данный ход мыслей оказывается угрожающим. Представим теорию, язык которой включает как L -детерминированные, так и L -недетерминированные предложения. В свете нового опыта под угрозой ревизии могут оказаться любые предложения данной теории. Этот тезис и Куайн, и Карнап разделяют. Но тогда чем различаются два типа предложений? На них быть может в разной степени, но все же одинаковым образом воздействует опыт, они вынуждены к нему приспособляться, а значит — между ними нет разницы: «Физические объекты, большие и малые, не являются единственными постулированными сущностями; и теперь мы знаем, что граница между энергией и материей является устаревшей. Более того, абстрактные сущности, которые являются субстанцией математики, — классы, классы классов и так далее — являются другими постулированными сущностями в том же самом духе. Эпистемологически они являются мифами того же уровня, что и физические объекты и боги, не лучше и не хуже, за исключением различий в той степени, в которой они упрощают наши контакты с чувственным опытом»³⁷. Данный аргумент Куайна, действительно, серьезен. Он не снимает вопросов по поводу чистой математики и логики, но со своей стороны основательно проблематизирует идею различения аналитических и синтетических предложений. Карнап возражает Куайну указанием на возможность двух типов ревизии: в свете нового опыта мы можем пересматривать: *a)* истинностное значение каких-либо предложений языка или *b)* сам язык, выбранные языковые формы и правила³⁸. Ревизия типа *a)* происходит постоянно и касается эмпирических предложений, но не аналитических. Последние могут пересматриваться только в результате ревизии типа *b)*. Однако с пересмотром языковых правил некоторого языка L_n (например, постулатов значения), мы получаем уже другой язык L_{n+1} ³⁹. В этом смысле аналитические предложения, действительно, оказываются неизменными, несмотря на опыт, но только в пределах конкретного языка L_n .

В своих более поздних работах Куайн отчасти признал справедливость критики его рассуждений периода «Двух догм». Во-первых, об этом свидетельствует его высказывание о переосмыслении содержания «Двух догм» и тезис, что «философски важный вопрос, касающийся аналитичности и лингвистической доктрины логической истины, связан не с их экспликацией, но скорее с их релевантностью в эпистемологии»⁴⁰. Но это совсем другая сторона вопроса и другой повод для критики. Куайн пишет о понятии аналитичности: «...я

вижу мало пользы от него в эпистемологии или методологии науки. Оно привносит одну стоящую общую идею: некоторые истины мы знаем благодаря изучению слов. Какие именно истины и кто их знает таким образом — вряд ли поддается определению, за исключением нескольких ясных случаев⁴¹. Странно, что хотя, как упоминалось выше, вопрос «связан не с экспликацией», мы все-таки не знаем «какие именно истины».

Во-вторых, мы получаем еще более интересную ситуацию. Несмотря на то, что Куайн сохраняет критический настрой по отношению к «догмам», он сам предлагает новую основу для аналитических предложений, называя это аналитичностью в «психогенетическом смысле»⁴². Согласно дефиниции Куайна, предложение является аналитическим, если мы узнаем, что оно истинно путем обучения словам⁴³, что не сильно отклоняется от традиционных представлений. Более детально специфику своего подхода Куайн описывает в следующих словах: «Говоря в общем, я пришел к выводу, что аналитичность могла бы быть получена в терминах обучения словам ... Такой подход не допускает четкой демаркации, поскольку индивидуальная история обучения словам запутана и непоследовательна, когда мы выходим за парадигмальные случаи как с “холостяком”; но невозможность четкой демаркации соответствует индивидуальным интуициям аналитичности»⁴⁴. Теперь неопределенность несколько не смущает Куайна, также как и бесполезность для эпистемологии формулируемого им понятия. Куайн определяет новую для него область: область обучения языку и эмпирической семантики.

И все-таки взгляды «позднего» Куайна представляют собой отдельную тему, вполне заслуживающую детального изучения. Основной вывод этого исследования таков: две догмы Куайна являются лжедогмами (применительно к философии Карнапа, а значит, и применительно к логическому эмпиризму в целом) в том смысле, что первая из них, хоть и имела место, но ее «догматичность» не была убедительно обоснована, а вторую догму отвергли сами логические эмпиристы задолго до «сокрушительной» критики, развитой Куайном в своей знаменитой статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куайн У. Две догмы эмпиризма. — URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

² См.: Quine W., Carnap R. Dear Carnap, Dear Van: The Quine-Carnap Correspondence and Related Work. — Berkeley (CA), 1990.

³ См.: Ответы Карнапа Куайну: Постулаты значения (1952); Значение и синонимия в естественных языках // Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. — Биробиджан, 2000; The Philosophy of R. Carnap / eds. P.A. Schilpp. — La Salle (IL), 1963.

⁴ Куайн У. Две догмы эмпиризма. – URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

⁵ Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках // Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – Биробиджан, 2000. С. 335.

⁶ The Philosophy of R. Carnap / eds. P.A. Schilpp. – La Salle (IL), 1963. P. 915.

⁷ Ibid. P. 919.

⁸ Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках. С. 341.

⁹ Там же. С. 341 – 344.

¹⁰ В оригинальном примере Карнапа речь шла, естественно, о немецко-английском словаре.

¹¹ Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках. С. 342.

¹² Там же. С. 345.

¹³ Næss A. Interpretation and Preciseness: A Contribution to the Theory of Communication // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi. II. Hist.-flos. klasse. 1953. № 1.

¹⁴ Куайн У. Две догмы эмпиризма. – URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

¹⁵ См.: Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. – Ch. & L., 1961. P. 29.

¹⁶ См.: The Philosophy of R. Carnap. P. 57.

¹⁷ Reichenbach H. Experience and Prediction... P. 30.

¹⁸ См., к примеру, способы перевода интенциональных языков в экстенциональные, представленные в работах: Carnap R. Logical Syntax of Language. – New Jersey: Paterson, 1959. P. 233 – 260; Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках. С. 256 – 294.

¹⁹ Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках. С. 230.

²⁰ The Philosophy of R. Carnap. P. 917.

²¹ Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках. С. 336 – 337.

²² Там же. С. 334 – 353.

²³ Карнап Р. Постулаты значения // Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. С. 324.

²⁴ Там же.

²⁵ The Philosophy of R. Carnap. P. 901.

²⁶ Куайн У. Две догмы эмпиризма. – URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

²⁷ Carnap R. Logical Syntax of Language. P. 318.

²⁸ Куайн У. Две догмы эмпиризма. – URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

²⁹ Carnap R. Logical Syntax of Language. P. 318.

³⁰ The Philosophy of R. Carnap. P. 875.

³¹ Hall B. Adaptive evolution that requires multiple spontaneous mutations: mutations involving base substitutions. – URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC51982/>

³² Карнап Р. Значение и синонимия в естественных языках. С. 345 – 346.

³³ Куайн У. Две догмы эмпиризма. – URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

³⁴ Ibid.

³⁵ The Philosophy of W.V. Quine / eds. L.E. Hahn and P.A. Schilpp. – Illinois, 1998. P. 207.

³⁶ The Philosophy of R. Carnap / eds. P.A. Schilpp. P. 46.

³⁷ Куайн У. Две догмы эмпиризма. – URL: <http://philosophy.ru/library/quine/quine-twodogmas/quine-twodogmas.htm#quinsel.htm>

³⁸ The Philosophy of R. Carnap. P. 920.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ The Philosophy of W.V. Quine. P. 207.

⁴¹ Ibid. P. 95.

⁴² Ibid.

⁴³ Quine W.V. The Roots of Reference. – La Salle (IL), 1973. P. 79.

⁴⁴ The Philosophy of W.V. Quine. P. 207.

Аннотация

Знакомство с работой У. Куайна «Две догмы эмпиризма» вошло в базовое философское образование. Общепризнано, что работа У. Куайна сыграла важную роль в истории опровержения программных положений логического эмпиризма. Однако более тщательное исследование показывает, что аргументация У. Куайна страдала различными недостатками, на многие из которых указали сами логические эмпиристы, в частности Р. Карнап. Данное обстоятельство заставляет переосмыслить содержание и значение «Двух догм», а также вновь актуализирует проблему различия аналитического и синтетического знания.

Ключевые слова: две догмы, логический эмпиризм, Куайн, Карнап, аналитические предложения, синтетические предложения.

Summary

Acquaintance with the Quine's work *Two Dogmas of Empiricism* is a basic requirement in the philosophical education. It is widely accepted that his work has played an important part in the history of rebuttal of Logical Empiricism. Thorough research, however, can show that the Quinian argumentation suffers from a number of different weaknesses that logical empiricists, especially R. Carnap, pointed out long ago. Facts such as these, therefore, motivate a recasting of the impact of Quine's *Two Dogmas* and renew the problems surrounding a distinction between analytic and synthetic knowledge.

Keywords: two dogmas, logical empiricism, Quine, Carnap, analytic sentences, synthetic sentences.